

Круглый стол
УДК 811.523
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

Концепты "колонизация" и "освоение": диалог

Ярослав Александрович БАРБЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО

независимый исследователь, Хабаровск, demyanenko@ecrin.ru

Для цитирования: Барбенко Я.А., Демьяненко А.Н. Концепты "колонизация" и "освоение": диалог // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 72–81. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

Round table
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

The concepts of "colonization" and "development": a dialogue

Yaroslav A. BARBENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru

Alexander N. DEMYANENKO

Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

For citation: Barbenko Ya.A., Demyanenko A.N. The concepts of "colonization" and "development": a dialogue // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 72–81. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

Задача данного обсуждения, начавшегося достаточно давно (см. [6; 7; 9]), попытаться ответить на вопрос: что есть "колонизация" и что есть "освоение"? В свою очередь, поиски ответа на поставленный вопрос предполагают необходимость определиться не только с терминологией, но и с пониманием того, каким образом и в каком направлении происходила эволюция исследовательских и управленческих практик, имеющих непосредственное отношение к "колонизации" и "освоению". Естественно, что участники диалога отдают себе отчёт в том, что у них нет исчерпывающего ответа, но есть надежда, что им удастся привлечь внимание коллег к проблемам "колонизации" и "освоения" – они того стоят, в этом мы уверены.

Барбенко Я. А.: Современное отечественное обществознание, особенно это свойственно историкам, активно используют связку понятий "колонизация" и "освоение", очень часто доходя до их отождествления. Несмотря на то, что описанная ситуация объективно обусловлена развитием самого знания, на мой взгляд, такое отождествление понятий (а значит и стоящих за ними реалий) сужает возможности и описания, и понимания многих социальных явлений.

Уточню, что термин "колонизация" вошёл в академический словарь раньше термина "освоение", в отечественной традиции он имел широкое содержание. Так, Г. Гинс в 1913 г. определял колонизацию через, а) вовлечение в хозяйственный оборот малоиспользованных производительных сил территории и б) рост культурного уровня жителей этой территории ("туземцев") [8, с. 76]. Уже, казалось бы, в другую эпоху, планируя развитие Дальневосточного края на первую пятилетку, специалисты Далькрайплана описывали задачи колонизации как а) принять переселенцев для б) "полного хозяйственного переустройства" территорий края [20, с. 28]. Отмечу, что Гинс (следуя не просто теории, а планам Переселенческого Управления) чётко отделял переселение от колонизации [8, с. 101], чего мы не видим в версии Далькрайплана.

Формулирование концепции освоения как альтернативы колонизации происходит в 1920-е гг. Уже предложение Наркомзема провести в 1922 г. Колонизацион-

ный съезд для анализа ситуации вокруг переселения и смежных ей вопросов вызвало критику не только содержания идеи съезда, но даже использования термина "колониационный" [25, с. 45]. В 1920-е гг. было сформулирована разница между колониальной (извлекающей выгоды из колоний) и колониационной (развивающей не(до)развитые территории) политикой [30, с. 4–5], и тогда же руководитель Государственного научно-исследовательского колониационного института А. А. Ярилов, борясь за сохранение специфики своего учреждения, предложил переименовать его в "Государственный институт землеустройства и хозяйственного освоения заселяемых районов" [25, с. 54]. Уже в публикации 1930 г. дореволюционная политика на Дальнем Востоке описывается как "колониальная", а не "колониационная", т. е. как эксплуатирующая, насильственная [с. V–XLIV]. Именно с рубежа 30-х гг. термин "колонизация" политизируется, за ним закрепляется место в политическом и пропагандистском словаре, в то время как термин "освоение" становится частью академического словаря.

Всесторонняя теоретическая разработка понятия освоения начинается в 1960-е гг. силами экономико-географа К. П. Космачёва и его сотрудников (см. оценку вклада [3]), хотя ещё в 80-е гг. историки собирали понятие освоения из словарей русского языка [2, с. 3]. Я вспомнил про историков постольку, поскольку именно они уже в советское (позднесоветское) время, видимо, под влиянием источников, использовали термин "колонизация" не в пропагандистском, а в нейтральном смысле, близком значениям, бытовавшим в 1920-е гг. и раньше. Так, в работе 1973 г. можно прочесть: "Судя по всему, с 1914 г. можно было ожидать нового оживления этого процесса <роста числа переселенцев>, однако мировая война прервала колонизацию края на довольно продолжительное время" [15, с. 151], в данном случае автор явно отождествляет переселение и колонизацию. С другой стороны, обращаясь к представлениям К. П. Космачёва, можно видеть, что освоение в первом приближении обозначается как "захват" новых площадей отраслями хозяйства [16, с. 8], А. И. Алексеев же выводил освоение в формулу "открытие-использование-хозяйственное использование" [2, с. 3]. Таким образом, в советское время параллельно с активным использованием термина "освоение", разработкой экономико-географической теории освоения продолжалось использование термина "колонизация".

Реабилитация термина "колонизация" связана с кризисом государственной идеологии СССР или, скорее, с потерей интереса государства к идеологической работе. Но, так же как и сто лет назад, понятия колонизации и освоения остаются в нераздельном слиянии. Так, историк Б. Н. Миронов видит освоенческий смысл колонизации: "экспансия в смысле захвата чужих территорий и колонизация в смысле освоения пустых и никому не принадлежащих, по крайней мере формально, земель" [18, с. 19], экономисты Н. П. Рыжова и О. Г. Васильева также вспоминают о "моделях освоения периферий, колоний" и рассуждают о "колониационной и переселенческой политике Российской империи и позднее – Советского Союза" [24, с. 8, 11]. Наконец, историк Е. И. Нестерова, характеризуя особенности колониационной политики на дореволюционном Дальнем Востоке, указывает, что "освоение приамурских территорий проходило в большей степени под знаком имперского строительства, нежели колонизации региона" [19, с. 15]: она противопоставляет изучаемые понятия, но за счёт, видимо, противопоставления политического по характеру имперского строительства и экономической по характеру колонизации.

На приведённых примерах можно видеть сложные отношения изучаемых понятий. Дореволюционная мысль сформулировала идею колонизации как хозяйственной деятельности и отделила её от переселения, ранняя советская мысль пришла к размежеванию понятий грабительского "колониального" и развивающего "колониационного", а также предложила альтернативу "колониационному" в виде "освоения". Позднесоветская и современная мысль, развивая эти достижения, тем не менее не смогли с определённой дифференцировать понятия колонизации и освоения. Такая дифференциация оказалась возможна только за счёт их интерпретации как разнохарактерных явлений.

Демьяненко А. Н.: Если российское обществознание доходит до отождествления "колонизации" и "освоения", то отечественная социально-экономическая география и региональная (пространственная) экономика просто игнорирует "колонизацию" и если она всё-таки появляется, то в работах по исторической географии и/или истории экономики России. Вспоминая круглый стол ""Колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии?" считаю возможным напомнить, что участники обсуждения существенно расходились во мнениях. И если бы это было расхождение между экономистами и гуманитариями, но расхождения имели место и среди гуманитариев, см. [6]. Впрочем, "колонизация" не только появляется, но и становится объектом анализа, хотя и не часто, в исследованиях, посвящённых современным проблемам российской экономики. Термин "колонизация", если и появляется в работах, посвящённых экономическим проблемам, то, как правило, в рамках реализации междисциплинарных исследовательских проектов, см., например, [1]: в заглавии присутствует термин "освоение", а первая часть этой монографии называется "Азиатская часть России как колония".

Теперь буквально несколько слов относительно, скажем так, начального этапа исследования колониционных процессов. Конечно, Г. Гинс человек достаточно известный и свидетель вполне авторитетный, но есть как минимум ряд исследователей, таких как В. П. Вошинин, А. А. Кауфман, В. Ф. Рубинский, Г. Ф. Чиркин, Н. М. Ядринцев, И. Л. Ямзин, А. А. Ярилов, внесших, по моему мнению, немалый вклад в становление отечественной школы, так сказать, колониционной мысли. Важно помнить, что колониционной тематики были не чужды и такие историки, как С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов. Заслуживает упоминания и тот факт, что вопросы колонизации в целом, и отдельных регионов в частности достаточно широко обсуждались и на страницах общественно-политических газет и журналов. Так вот, отечественная школа колониционной мысли включала не только университетских профессоров, но и чиновников, прежде всего служащих Переселенческого управления, опиравшихся в своих суждениях относительно колонизации и переселения на богатый эмпирический материал, собранный своими руками. Подробнее об основных направлениях исследования колониционных процессов в дореволюционной России в целом и Приамурского края в частности, см. [12; 13].

Но прежде всего опять-таки предельно коротко о П. П. Леруа-Болье и его монографии "La colonisation chez les peuples modernes", опубликованной в 1874 г. и переведённой на русский язык уже в 1877 г. [17]. По поводу этой монографии можно смело вести отдельный разговор, но зафиксирую несколько тезисов, которые, по моему мнению, уместны в контексте нашего диалога. Итак, колонизация – это социальный процесс, далее, колонизация рассматривается не только государством, но и обществом в целом как нечто отвечающее его интересам; наконец, "Колонизация есть ... искусство" [17, р. IV]. Здесь, конечно, можно сказать, что эти тезисы излишне абстрактны, а может быть даже несколько прекраснотушны. Может быть и так. Но отрицать, что колонизация – это сложный или, может быть, даже сверхсложный социальный процесс, вряд ли продуктивно. Более того, если использовать современную терминологию применительно к России, то процесс колонизации и его результат – формирование нового качества пространственной организации российского общества – проблема, требующая усилий специалистов из самых разных областей знания. Иначе говоря, мы имеем дело с объектом междисциплинарных исследований. Например, пространственная организация российского общества до и после присоединения Сибири или Дальнего Востока качественно различны, какой бы параметр мы бы ни взяли для сравнения.

Это хорошо понимали, хотя, возможно, далеко не всегда чётко формулировали, упомянутые российские исследователи колониционных процессов. Но при этом, будучи по преимуществу активными участниками колониционного движения, упомянутые выше исследователи (от Вошинина до Ярилова) не могли не испытывать влияния работ уже отмеченных историков (и не забудем Н. И. Костомарова и А. П. Щапова!), которые не только рассматривали колонизацию как основной факт

русской истории, но и анализировали движущие силы этого процесса. Возможно, поэтому у вас, Ярослав Александрович, возникло ощущение, что дореволюционные исследователи и исследования не только отделяли "колонизацию" от "переселения", но ещё и рассматривали "колонизацию" как хозяйственную деятельность.

Мне более вероятной представляется другая интерпретация: "переселение" применительно к социально-экономическим и политическим условиям предреволюционной России вовсе не отделялось от "колонизации", а составляло её сердцевину. При этом следует иметь в виду, что "переселение" никоим образом не сводилось к организации перемещения населения из одной, как правило, "мало-земельной" местности в пределы того или иного колонизационного района, а эти районы имели место не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в том числе в Степном крае и Туркестане. На Переселенческое управление возлагались также и меры не только по оценке колонизационной ёмкости тех или иных мест, но и меры, как бы сказали сейчас, по инфраструктурной подготовке мест вселения переселенцев. Вряд ли в данном случае уместно заниматься анализом воистину безбрежного объёма материалов, полученных в ходе многочисленных экспедиций Переселенческого управления или Амурской экспедиции 1910 г., поэтому только отмечу, что участниками этих экспедиций были исследователи, многие из которых стали в будущем большими учёными. К сожалению, значительная часть этих материалов так и не разработана должным образом до сих пор.

Если воспользоваться вашей терминологией, то, действительно, в "раннесоветский период", то есть до наступления "великого перелома" и массовых репрессий по отношению к "буржуазным специалистам", колонизационная тематика никуда не делась. Более того, в стране вполне успешно действовал Колонизационный институт, колонизационная тематика присутствовала не только в научных журналах, но и в решениях государственных органов власти, как в центре, так и на местах.

Действительно, Ярослав Александрович, вы правы, говоря о том, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. колонизационная тематика стала заменяться тематикой освоенческой. И дело здесь не только в том, что поменяли слово "колонизация", на более политически верное – "освоение". И даже не в том, что "позднесоветская и современная мысль" не смогла дифференцировать понятия "колонизация" и "освоение". По-моему, дело в том, что колонизация, как её понимали классики, представляла, говоря сегодняшним языком, социально-культурный феномен, который не мог быть сведён к экономическим или техническим (при всей их значимости) аспектам.

Барбенко Я. А.: Несомненно, явление колонизации очень широко и включает и переселение, но я не уверен, что нам стоит усложнять работу, включая в предмет разговора ещё и понятие переселения. Что же касается экономической редукции колонизации, то она косвенно проявляется в словосочетании "хозяйственное освоение", являющимся характернейшей чертой исследовательского словаря советского времени.

Предлагаю содержательно развести понятия освоения и колонизации, оставив их в одном тематическом поле, но обозначив их через разный предмет и в результате выстроив две отличные перспективы социальных явлений. В качестве варианта решения этой задачи я хочу развить версию, уже заявленную ранее [4]. В целом идея заключается в том, что колонизация и освоение имеют различающуюся символическую основу, которая формирует разную логику планирования политики колонизации и политики освоения, разную логику поведения участников процесса на месте – в колонизируемом или осваиваемом регионе, или даже сообществе.

Логика колонизации может быть привязана к идее дистанцирования субъекта и объекта колонизации, как собственно символическими средствами (через идею "бремени белого/бритого [29] человека"), так и путём эксплуатации, экономического подчинения, извлечения ресурса из колонии. В 1907 г. Н. Шуман видел причину неэффективности русской колонизации Сибири именно в приоритете интересов Европейской России перед интересами самой Сибири [28, с. 3], не го-

вора уже о позиции сибирских областников по данному вопросу. Колониальное развитие – это эффект от нужд и действий колонизатора по извлечению выгоды из колонии. Собственно, и символический, и материальный аспекты колонизации выстраиваются таким образом, что поддерживают друг друга, образуя замкнутый смысловой круг: более развитые/достойные извлекают выгоду, поэтому они более развитые и извлекают выгоду.

Логика освоения привязана к идее вложения: "освоение территории – это её насыщение вложениями материальных средств и человеческого труда... в результате чего природная основа территории видоизменяется и обогащается техническими сооружениями того или иного рода и их системами" [16, с. 9]. Такой подход пересекается с идеей Переселенческого Управления о колонизации как заселении пустующих окраин империи [8, с. 76]. Именно с этого момента (1912 г.) Переселенческое Управление наращивало бюджет строительства дорог, больниц, школ в переселенческих районах, в то время как практика переселений и колонизации XIX в. породила явление захватного землепользования переселенцев, которое среди прочего было спровоцировано тем, что участки переселенцев десятилетиями оставались необмежёванными: у местной администрации не было средств (вложений!) на достаточный штат землемеров.

Таким образом, применив оптику "колонизации-извлечения" и "освоения-вложения", можно не только видеть специфику понятий, но с её помощью дифференцировать "колонизационные" явления на колониальные и освоенческие, как это видно на примере изменений переселенческой политики в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XX в.

Демьяненко А. Н.: Признаюсь, что я не осознал в полной мере, что это за исследовательская задача, решение которой, по вашему мнению, позволяет "содержательно развести понятия освоения и колонизации, оставив их в одном тематическом поле, но обозначив их через разный предмет и в результате выстроив две отличные перспективы социальных явлений". Мне представляется, что отказ в научном сообществе и в практике государственного управления от термина "колонизация" в пользу "освоения", с одной стороны, отражала смену идеологических установок, когда колонизация стала отождествляться с колониализмом, присущим проклятому царизму, а "освоение" и/или ускоренное развитие окраин, национальных особо, должно было ассоциироваться с научно обоснованным и осуществляемым в плановом порядке развитием периферии, то есть бывших колоний российской империи.

Но идеология в конечном счете отразилась, не могла не отразиться, на понимании роли государства в процессах управления социально-экономическим развитием страны, в том числе и в пространственной организации экономики и общества в целом. Среди работ последних лет, посвящённых этому сюжету, рекомендую статью [27], а также [10]. Поэтому "колонизация" как сложный социальный процесс в конечном счете свелась к индустриальному "освоению" бывших "колониальных окраин", прежде всего основанному на эксплуатации природных ресурсов. "Переселение" досоветского периода, предполагавшее формирование стимулов, имеющих экономическую (рыночную) природу и при этом учёт межкультурных взаимодействий между переселенцами и аборигенами, радикально меняется в советский период истории региона. "Переселение" достаточно быстро сменилось "оргнабором", а затем и использованием неэкономических методов (ГУЛАГ наиболее яркий случай) привлечения рабочей силы на стройки социализма. Что же касается отношений пришлого и аборигенного населения, то здесь возобладало представление о том, что аборигены с их традиционным укладом хозяйствования есть нечто отсталое по определению, и отсталость эту необходимо преодолеть.

Если принять вышесказанное в качестве очень упрощённой схемы, то да, действительно, колонизация и освоение имеют различную основу (не знаю, насколько она имеет символический характер), которая формирует разную логику государственного планирования колонизации и освоения. При этом следует иметь в виду, что и государственная политика освоения периферийных районов также эволю-

ционировала от политики, в основу которой был положен производственный подход и наиболее яркими проявлениями которой были комбинатские структуры, их же в конечном счёте предполагалось трансформировать в территориально-производственные комплексы, которые должны были стать производственным ядром крупных экономических районов, то есть формируемых в плановом порядке пространственных экономических систем. В этой связи уместно привести серию монографий "Проблемные регионы ресурсного типа" в работе над которыми принимали участие специалисты целого ряда институтов СО РАН: [21; 22; 23]. Однако при всех несомненных достоинствах теории ТПК реализация его на практике столкнулась с зачастую с неразрешимыми проблемами.

И последнее по данному вопросу. Сведение колониационного дискурса к экономической проблематике, если только я вас правильно понял, наверное, дело интересное, но вряд ли такой подход является продуктивным, а тем более единственно возможным.

Барбенко Я. А.: Я не вполне чётко проблематизировал нашу работу, исправляюсь: смысл разрушения синкретичного понятия "колонизация/освоение" заключается в том, что пересобранная связка "колонизации" и "освоения" является полезным и продуктивным исследовательским инструментом. Иначе говоря, прежде чем решать "народнохозяйственные" проблемы, нужно разобраться в теории. Собственно, экономическая проблематика выступает только примером, было бы неправильно сужать оба обсуждаемых понятия только к экономике. Вот почему в основу разведения колонизации и освоения следует положить символическое начало: оно позволит относить любые факты к "колонизации" или к "освоению". Выше я показал, как можно не просто выявить динамику переселенческой политики (она давно выявлена другими средствами), но ещё и дать оценку с точки зрения качественного перехода от политики потребления и случайного (с точки зрения объекта) развития колоний к политике целенаправленного развития путём вложения.

Есть и более сложные примеры, в которых отношение колонизации и освоения не столь однозначны [5]. Так, политика наделения землёй всех желающих в Приамурском крае через приобретение в собственность в соответствии с "Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири" 1861 г. является признаком политики освоения, хотя в данном случае "вложение" должны были делать сами собственники (что напрямую не предусматривается концепцией К. Космачёва). Крестьяне-переселенцы же выбирали другой способ приобретения земли – получение льготного надела государственной земли общиной, и это обстоятельство можно понимать, как проявление колониаторских настроений переселенцев, стремившихся взять побольше и подешевле. С учётом того, что наделы переселенцев не имели формальной фиксации долгое время, сложился феномен захватного землепользования; и это ещё один признак колонизации. И только распространение частного землевладения у приамурских крестьян в начале XX в., а также столыпинская политика внедрения хуторского и отрубного землевладения (более ответственного, чем общинное) реконструируют былую политику освоения. С учётом того, что государство было готово относительно щедро финансировать переселение, во второй декаде XX в. можно фиксировать комплексную ситуацию аграрного освоения, участниками которой были и сами переселенцы (старожилы и новосёлы), и государство.

Концепция освоения в данном случае не просто помогла увидеть специфику переселенческой политики, но ещё и позволила выявить такой субъект освоения, как крестьянство (или шире – землевладельцев), причём крестьянство становится субъектом освоения не по указу государства, а под давлением более фундаментального фактора – исчерпания свободных земель. Таким образом, на данном примере можно видеть не только динамику политики, но и движение статуса крестьянства от субъекта колонизации к субъекту освоения.

Демьяненко А. Н.: И вновь я должен предварить свою реплику признанием: я не понял, что есть синкретичное понятие "колонизация/освоение". Это вовсе не

оценочное суждение, это констатация факта. Поэтому ограничусь некоторыми комментариями относительно вашего высказывания.

Начну с пустячка: мне не ясно, что такое "политика целенаправленного развития путём вложения". Полагаю, что речь должна идти об инвестициях в развитие периферийных регионов. Но сказав "а", следовало бы сказать и "б", то есть кто и каким образом формирует и реализует ту самую политику и в чьих интересах. И если мы ограничим свои суждения только Дальним Востоком, то нам придется исследовать не только эволюцию колонизации этого региона, в ходе которой не раз менялись целевые установки государства, формы и механизмы реализации политики в области колонизации. В отношении смены стратегических приоритетов в развитии Дальнего Востока, см., например, [11; 13].

Захватное землепользование – это не более чем одна из форм землепользования в условиях "земельного простора". Но как только крестьяне, прежде всего старожилы, стали ощущать "земельное стеснение", они стали не только переходить к фиксации своих наделов, но и к покупке и аренде земель.

А теперь по-крупному: мне трудно согласиться с окончательным выводом, согласно которому "на данном примере можно видеть не только динамику политики, но и движение статуса крестьянства от субъекта колонизации к субъекту освоения". Причём у меня в данном случае нет желания спорить о том, кто есть кто в системе объект-субъектных отношений. Скорее всего, это тема отдельного обсуждения. Мне не понятно другое, почему вы весь колонизационный процесс на Дальнем Востоке, сводите к одной его форме: крестьянской колонизации?

На самом деле, вплоть до советизации Дальнего Востока, и даже некоторое время после неё, крестьянская колонизация, по мнению многих специалистов тех лет, в значительной мере исчерпала себя, и на первый план выходила колонизация промысловая и промышленная. И если промысловая предполагала ориентацию, как бы сказали сейчас, на малый и средний бизнес при широком развитии различных форм кооперации, то промышленная или, точнее, промышленно-транспортная колонизация предполагала привлечение крупного капитала (в том числе и иностранного) и создание производств, ориентированных не столько на отечественный, сколько на зарубежные рынки, прежде всего рынки сопредельных стран.

Барбенко Я. А.: Напомню, Александр Николаевич, что вы сами говорили о необходимости комплексного и междисциплинарного изучения сложного явления колонизации, так что прошу меня простить за излишнюю тематическую специализированность моего экспериментально подхода – надо же с чего-то начинать! Субъект-объектные отношения имеют прямую связь с нашим разговором, потому что особенности "колонизации" и "освоения" как раз и заключаются в разном характере этих отношений: целенаправленном извлечении выгоды при колониальных отношениях (и тогда развитие объекта колонизации случайно) и целенаправленном вложении материальных и нематериальных средств в объект освоения (и тогда развитие объекта неслучайно).

Демьяненко А. Н.: Рискну предположить, что прав был Н. М. Ядринцев, который наряду с правительственной колонизацией выделял и вольнонародную, то есть самодеятельную, и именно это проявление самоорганизации по мере роста мобильности населения приобретает, по-моему мнению, всё большее значение в настоящее время. И в этой связи развитие периферийных регионов России, если угодно "колонизация 2.0", предполагает не только масштабные инвестиции (хозяйственное освоение), но и вложения в человеческий капитал, в конечном счёте в создание на российских окраинах условий жизни и ведения бизнеса, которые были бы как минимум не хуже, а желательно – лучше, чем на сопредельных территориях стран-соседей. И тут самое время обратиться не только к научным идеям, но и к опыту разработки и реализации планов колонизации конца XIX – начала XX века.

Возможно, наш не всегда логически выдержанный диалог привлечёт внимание к извечной российской проблеме, когда мы готовы принять чужой опыт (что не

есть, конечно, плохо), но забываем, что есть свой отечественный исторический опыт, который неплохо было бы использовать. Но всё-таки вначале его следует исследовать, а это требует усилий не только отдельных историков или географов, но систематической командной работы.

Литература

1. Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны / Под ред. Кулешова В. В. Новосибирск: ИЗОПП СО РАН, 2008. 428 с.
2. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
3. Бакланов П. Я. К. П. Космачев – основоположник теории освоения // Возможности развития социально-экономического пространства сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности // Мат-лы науч. чтений памяти сибирских географов (Иркутск, 31 мая – 2 июня 2021 г.). Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2021. С. 14–15.
4. Барбенко Я. А. Дистанция, колонизация, насыщение, освоение: крестьяне-переселенцы в Приамурье // Предварительные материалы круглого стола "колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии? С. 7–11. // Официальный сайт журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования". URL http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (дата обращения: 30.01.2023).
5. Барбенко Я. А. Модус колонизации и модус освоения в хозяйственно-правовой практике государства и крестьян-переселенцев в Приморской области второй половины XIX в. // Фотьевские чтения – 2022: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 21 декабря 2022 г.). Благовещенск: Дальневост. ГАУ, 2023. С. 170–179.
6. Барбенко Я. А., Горюнов А. П., Демьяненко А. Н., Заколотная А. С., Ковалевская Ю. Н., Кондратенко Г. В., Минакир П. А., Назарова Я. В., Фетисова Л. Е. "Колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 55–67.
7. Бочарников В. Н., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Барбенко Я. А., Караман В. Н. Возможна ли "колонизация" пространства? // Известия Восточного института. 2020. № 3 (47). С. 79–92.
8. Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. Периодический сборник под ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. № 12. СПб., 1913. С. 73–120.
9. Демьяненко А. Н., Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О., Симоненко О. А. Возможна ли "колонизация" пространства? Гуманитарии между метафорой и научным исследованием // Известия Восточного института. 2020. № 4. С. 118–132.
10. Демьяненко А. Н. Заметки на полях статьи А. Н. Швецова "Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства)" // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 1 (2). С. 91–121.
11. Демьяненко А. Н. Об основных этапах стратегических решений в экономике российского Дальнего Востока // Новая экономическая политика на Дальнем Востоке России: институты, инструменты, проблемы, решения. Материалы научного семинара. Отв. ред. П. А. Минакир. 2018. С. 5–19.
12. Демьяненко А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
13. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Введение // Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX – XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с. С. 9–15.
14. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 45–60.
15. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). Хабаровск: Кн. изд., 1973. 200 с.
16. Космачёв К. П. Пионерное освоение тайги. Экономико-географические проблемы. Новосибирск: Изд-во "Наука", Сиб. отд-ние, 1974. 144 с.
17. Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб.: изд. ред. журн. "Всемирный путешественник", 1877. VIII, 526 с.
18. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.) в 2-х т. Т. 1. М.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
19. Нестерова Е. И. Особенности колонизационной политики России в Приамурье (вт. пол. XIX в.) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: Мат-лы Вт- Гродековских чтений // отв. ред. Н. И. Рубан. Хабаровск: Изд. дом "Частная коллекция", 1999. С. 11–15.
20. Перспективы развития народного хозяйства и культурно-социального строительства ДВК на пятилетие 1928-9–1932-3 гг. Хабаровск: б. и., 1929. 212, LXXX с.
21. Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России // Под ред. В. А. Ламина, В. Ю. Малова. Новосибирск: СО РАН, 2005. 386 с.

22. Проблемные регионы ресурсного типа: прогнозирование и реализация программ освоения // Под ред. М. К. Бандмана и Ю. В. Малова. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998. 216 с.
23. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского северо-востока, Урала и Сибири // Под ред. В. В. Алексеева и др. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. 356 с.
24. Рыжова Н. П., Васильева О. Г. Российский Дальний Восток "как череда экспериментов": поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. Регионоведческие исследования 2017. № 4. С. 7–16.
25. Суворова Н. Г., Филимонов А. В. Советская колонизация в терминологических дискуссиях ранне-советских экспертов // Вестник Омского университета. Серия "Исторические науки". 2020. Т. 7, №1 (25). С. 45–57.
26. Цыпкин С., Шурыгин А. Первая революция на Дальнем Востоке. Краткий обзор рев. событий 1905 г. // Станкевич А. П. Первая революция на Дальнем Востоке. Хроника революционных событий 1903–1908 гг. Хабаровск: Дальневост. краев. изд-во "Кн. дело", 1930. XLIV, 280 с.
27. Швецов А. Н. Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. 2021. № 6. С. 66–100.
28. Шуман Н. К вопросу о землеустройстве и колонизации в Сибири // Вопросы колонизации. Сб. ст. № 1. / Ред. О. А. Шкапский. СПб.: б. и., 1907. С. 3–18.
29. Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–298.
30. Ямзин И. Л., Воцинин В. П. Учение о колонизации и переселениях: уч. пос. для вузов. М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. VI, [2], 328 с.

References

1. The Asian part of Russia: a new stage in the development of the northern and eastern regions of the country / Ed. V. Kuleshov. Novosibirsk, 2008. 428 p. (In Russ.).
2. Alekseyev A. I. Russian Russian people's development of the Far East and Russian America until the end of the XIX century. Moscow, 1982. 288 p. (In Russ.).
3. Baklanov P. Ya. K. P. Kosmachev – the founder of the theory of development [osvoeniye] // Opportunities for the development of the socio-economic space of the Siberian macroregion in conditions of global instability. Irkutsk, 2021. P. 14–15. (In Russ.).
4. Barbenko Ya. A. Distance, colonization, saturation, development: migrant peasants in the Amur region // Preliminary materials of the round table "colonization" and/or "development": what should we do with an excess of terminology? P. 7–11. // The official website of the journal "Oikumena. Regional studies". URL http://ojkum.ru/images/news/olon_materialy.pdf (accessed 30.01.2023). (In Russ.).
5. Barbenko Ya. A. The mode of colonization and the mode of development in the economic and legal practice of the state and migrant peasants in the Primorsky region of the second half of the XIX century. // Fotevsky readings – 2022: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2023. P. 170–179. (In Russ.).
6. Barbenko Ya. A., Goryunov A. P., Demyanenko A. N., Zakolodnaya A. S., Kovalevskaya Yu. N., Kondratenko G. V., Minakir P. A., Nazarova Ya. V., Fetisova L. E. "Colonization" and/or "development": what should we do with the terminology surplus? // *Ojukmena. Regional Researches*. 2017. No. 4 (43). P. 55-67. (In Russ.).
7. Bocharnikov V. N., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Barbenko Ya. A., Karaman V. N. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible?" // *Oriental Institute Journal*. 2020. No. 3 (47). P. 79–92. (In Russ.).
8. Gins G. Resettlement and colonization // *Questions of colonization. A periodical collection*. No. 12. St. Petersburg, 1913. P. 73–120. (In Russ.).
9. Demyanenko A. N., Blyakher L. E., Leontieva E. O., Simonenko O. A. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible? Humanities Scholars between Metaphor and Academic Research" // *Oriental Institute Journal*. 2020. No. 4. P. 118–132. (In Russ.).
10. Demyanenko A. N. Notes in the margins of the article by A. N. Shvetsov "Russian space in the process of historical transitions (towards the development and implementation of the theory of post-Soviet systemic transformations of the organization of socio-economic space)" // *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2024. No. 1 (2). P. 91–121. (In Russ.).
11. Demyanenko A. N. On the main stages of strategic decisions in the economy of the Russian Far East // *New Economic policy in the Russian Far East: institutions, tools, problems, solutions. Materials of the scientific seminar*. 2018. P. 5–19. (In Russ.).
12. Demyanenko A. N. Territorial organization of the economy in the Russian Far East. Vladivostok, 2003. 284 p. (In Russ.).
13. Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. Introduction // *Anthology of economic thought in the Far East. Issue 1. Colonization processes in the Amur Region at the turn of the XIX – XX centuries*. Khabarovsk, 2008. 208 p. P. 9–15. (In Russ.).

14. Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. Modern strategic initiatives and history lessons in the development of the Far East // ECO. 2017. No. 4 (514). P. 45-60. (In Russ.).
15. Kabuzan V. M. How the Far East was settled (the second half of the XVII – the beginning of the XX century). Khabarovsk, 1973. 200 p. (In Russ.).
16. Kosmachev K. P. Pioneer development of the taiga. Economic and geographical problems. Novosibirsk, 1974. 144 p. (In Russ.).
17. Leroy-Beaulieu P. Colonization among the newest peoples. St. Petersburg, 1877. VIII, 526 p. (In Russ.).
18. Mironov B. N. Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX centuries) in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 2000. 548 p. (In Russ.).
19. Nesterova E. I. Features of the colonization policy of Russia in the Amur region (vt. half of the XIX century) // Historical, cultural and natural heritage of the Far East at the turn of the century. Khabarovsk, 1999. P. 11–15. (In Russ.)
20. Prospects for the development of the national economy and cultural and social construction of the DVK for the fifth year of 1928-9-1932-3. Khabarovsk, 1929. 212, LXXX p. (In Russ.)
21. Problematic resource-type regions: The Asian part of Russia // Ed. by V. Lamin. Novosibirsk, 2005. 386 p. (In Russ.)
22. Resource-type problem regions: forecasting and implementation of development programs // Ed. by M. Bandman. Novosibirsk, 1998. 216 p. (In Russ.)
23. Problematic resource-type regions: economic integration of the European Northeast, the Urals and Siberia // Edited by V. Alekseev. Novosibirsk, 2002. 356 p. (In Russ.)
24. Ryzhova N. P., Vasilyeva O. G. The Russian Far East as a "string of experiments": approaches to study reasons behind successes and failures in development of peripheries // Ojkumena. Regional Researches. 2017. No. 4. P. 7–16. (In Russ.)
25. Suvorova N. G., Filimonov A.V. Soviet colonization in terminological discussions of early Soviet experts // Bulletin of Omsk University. The "Historical Sciences" series. 2020. Vol. 7, No. 1 (25). P. 45–57. (In Russ.)
26. Tsyarkin S., Shurygin A. The first revolution in the Far East. A brief overview of the roar. events of 1905 // Stankevich A. P. The First Revolution in the Far East. Chronicle of the revolutionary events of 1903-1908. Khabarovsk, 1930. XLIV, 280 p. (In Russ.)
27. Shvetsov A. N. Russian space in the process of historical transitions (towards the development and implementation of the theory of post-Soviet systemic transformations of the organization of socio-economic space) // Russian Economic Journal. 2021. No. 6. P. 66–100. (In Russ.)
28. Shuman N. On the question of land management and colonization in Siberia / Questions of colonization, No. 1. St. Petersburg, 1907. P. 3–18. (In Russ.)
29. Etkind A. The burden of a shaved man, or the Internal colonization of Russia // Ab Imperio. 2002. No. 1. P. 265–298. (In Russ.)
30. Yamzin I. L., Voshchinin V. P. The doctrine of colonization and resettlement: academic settlements for universities. Moscow ; Leningrad, 1926. VI, [2], 328 p. (In Russ.).

Ярослав Александрович БАРБЕНКО, канд. ист. наук, магистр географии, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО, д-р геогр. наук, независимый исследователь, г. Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Yaroslav A. BARBENKO, Candidate of Historical Sciences, Master of Geography, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Alexander N. DEMYANENKO, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.02.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 22.02.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2024